



Амели Нотомб

СЛОВАРЬ
ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ
≈
МЕТАФИЗИКА
ТРУБ

Амели Нотомб
Словарь имен собственных.
Метафизика труб (сборник)
Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830403

*Словарь имен собственных. Метафизика труб : романы / Амели Нотомб: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10565-2*

Аннотация

«Словарь имен собственных» – один из самых необычных романов блистательной Амели Нотомб. Состязаясь в построении сюжета с великим мэтром театра абсурда Эженом Ионеско, Нотомб помещает и себя в пространство стилизованного кошмара, как бы призывая читателя не все сочиненное ею понимать буквально. Девочка, носящая редкое и труднопроизносимое имя – Плектруда, появляется на свет при весьма печальных обстоятельствах: ее девятнадцатилетняя мать за месяц до родов застрелила мужа и, родив ребенка в тюрьме, повесилась. Таково начало книги. Конец ее не менее драматичен. Однако Амели Нотомб умеет все вывернуть наизнанку.

В настоящее издание также вошел ее автобиографический роман «Метафизика труб», уже одно название которого интригует читателя. На сей раз Амели отважно решилась рассказать всему миру о своих переживаниях и комплексах, чувствах и мыслях, а также о тех метаморфозах, что происходили с ней в детстве. В романе есть все: изощренный ум, чувство юмора, неожиданные открытия, смешные ситуации и заставляющий улыбнуться финал.

Содержание

Словарь имен собственных	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Амели Нотомб

Словарь имен собственных.

Метафизика труб (сборник)

Amelie Nothomb

ROBERT DES NOMS PROPRES

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2002

Amelie Nothomb

METAPHYSIQUE DES TUBES

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2000

© И. Волевич, перевод, 2015

© Н. Попова, И. Попов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Словарь имен собственных

Восьмой час Люсетта мучилась бессонницей. Со вчерашнего дня младенец у нее в животе икал не переставая. Каждые четыре-пять секунд мощный толчок сотрясал тело девятнадцатилетней девочки, которая год назад решила стать супругой и матерью.

Начало сказки походило на сон: Фабьен был красавец, говорил, что готов ради нее на все; она поймала его на слове. Мысль поиграть в свадьбу показалась забавной этому мальчику, ее ровеснику, и вскоре их семьи, смущенные и растроганные, увидели своих детей в свадебных нарядах.

А вскоре Люсетта с победоносным видом объявила, что беременна.

Ее старшая сестра спросила:

– Не рановато ли?

– Чем раньше, тем лучше! – ликующе ответила младшая.

Однако мало-помалу феерия сошла на нет. Фабьен и Люсетта часто ссорились. И если вначале он с восторгом принял известие о ее беременности, то теперь говорил:

– Учти, когда родится ребенок, я твои безумства терпеть не буду.

– Ты мне угрожаешь?

Он вскакивал и уходил, хлопнув дверью.

Люсетта, однако, была уверена, что никакие это не безумства. Она мечтала о неистовой и бурной жизни. Это как раз безумцы желают чего-то другого! А ей хотелось, чтобы каждый день, каждый год были полны до краев.

Теперь она ясно видела, что Фабьен ее не стоит. Он обыкновенный. Поиграл в жениха, теперь играет в женатого мужчину. Ничуть не похож на сказочного принца. Она раздражала его. Он объявлял:

– Ну вот, опять у нас истерика!

Но порой сменял гнев на милость. Гладил ее по животу и приговаривал:

– Если будет мальчик, назовем его Танги. А если девочка – Жоэль.

А Люсетта думала: «Ненавижу эти имена!»

В библиотеке деда она раскопала словарь имен собственных, изданный еще в прошлом веке. Там можно было найти самые невероятные имена, сулившие своим обладателям яркую, необычную судьбу. Люсетта старательно выписывала имена на листочки. Иногда она их теряла. То там, то сям попадались скомканные клочки бумаги, на которых было выведено «Элевтера» или «Лютегарда», но никто не понимал, зачем ей понадобилась эта изысканная мертвечина.

Очень скоро ребенок начал шевелиться. Гинеколог был крайне удивлен: он никогда еще не имел дела с таким активным зародышем: «Это аномалия!»

Люсетта улыбалась: ее ребенок уже сейчас не такой, как все. Беременность пришлась на те совсем недавние времена, когда пол ребенка еще не умели определять заранее. Но такие пустяки мало волновали будущую мать.

– Это танцор или балерина! – объявляла она, упиваясь мечтами.

– Нет! – возражал Фабьен. – Это либо футболист, либо просто занудная девчонка.

Люсетта испепеляла его взглядом. Он говорил так вовсе не со зла – просто дразнил ее. Она же видела в его словах признак неискоренимой пошлости.

Когда Люсетта оставалась одна и младенец толкался и буйствовал у нее в животе, она нежно говорила ему:

– Давай-давай, танцуй, мой маленький! Я тебя в обиду не дам, ты у меня не будешь злосчастливым футболистом Танги или занудой Жоэль, ты будешь танцевать, где захочешь – в Парижской опере или в цыганском таборе.

Мало-помалу Фабьен стал пропадать целыми днями. Он исчезал сразу после обеда и возвращался домой только к десяти вечера, не снисходя до объяснений. У Люсетты, изнуренной беременностью, не хватало сил дожидаться его. Когда он приходил, она уже спала. Зато по утрам он валялся в постели чуть ли не до полудня. Наливал себе кружку кофе, закуривал сигарету и лежал, уставясь в пустоту.

– Как самочувствие? Не слишком переутомился? – спросила она однажды.

– А ты? – парировал он.

– Ну, я-то вынашиваю ребенка. Надеюсь, ты в курсе?

– Еще бы! Ты только об этом и говоришь.

– Так вот, представь себе, что быть беременной – довольно утомительное занятие.

– Я-то тут при чем? Ты сама его захотела, этого ребенка. Не могу же я вынашивать его вместо тебя.

– Можно хотя бы узнать, чем ты занимаешься до самого вечера?

– Нельзя.

Люсетта рассвирепела:

– Ну конечно, мне уже ничего нельзя! Ты вообще больше ничего не рассказываешь!

– Потому что тебя ничего, кроме ребенка, не интересует.

– А ты возьми да стань поинтереснее! Тогда я и тобой заинтересуюсь.

– Я и так интересен.

– Нет, ты заинтересуй меня – если ты, конечно, на это способен.

Фабьен вздохнул, вышел из спальни и вернулся с кобурой, откуда извлек револьвер.

Люсетта вытаращила глаза.

– Вот что я делаю днем. Стреляю.

– Это где же?

– В одном подпольном клубе. Ну, в общем, не важно.

– И что – в нем настоящие пули?

– Да.

– И можно убивать людей?

– Почему бы и нет?

Люсетта восхищенно погладила револьвер.

– И знаешь, я уже здорово стреляю. Всаживаю пулю в яблочко с первого раза. Это такое ощущение... ты даже представить себе не можешь! Обожаю стрельбу. Как начну, уже не могу остановиться.

– Понимаю.

Не часто они так хорошо понимали друг друга.

Старшая сестра, у которой уже было двое детей, обожала Люсетту и часто навещала ее. Она находила очаровательной эту хрупкую девочку с огромным животом. Однажды они поссорились.

– Скажи ему – пусть ищет работу. Ведь он скоро станет отцом.

– Ему же, как и мне, всего девятнадцать. И родители дают деньги.

– Но они не будут содержать вас всю жизнь.

– Ну что ты пристаешь ко мне со своими советами!

– Пристаю, потому что это важно.

– Вот вечно ты так – придешь и все настроение испоганишь.

– Люсетта, что ты несешь?

– Давай-давай, скажи еще, что нужно образумиться, подумать о завтрашнем дне, и так далее, и тому подобное.

– Ты с ума сошла! Я ничего такого не говорила!

– Ага, значит, я еще и сумасшедшая! Так и знала, что ты это скажешь! Да ты мне просто завидуешь! Доконать меня хочешь!

– Господи, Люсетта, что ты...

– Уйди! – завопила та.

Сестра в ужасе вышла. Она всегда знала, что у Люсетты неважно с психикой, но сейчас ее состояние действительно внушало тревогу.

С тех пор, когда сестра звонила, Люсетта, едва услышав ее голос, бросала трубку.

«И без нее проблем хватает», – думала она.

На самом деле она чувствовала, сама себе не признаваясь, что очутилась в тупике и старшая сестра это знает. Как они с Фабьеном будут зарабатывать на жизнь? Его интересует только пальба из револьвера, а она вообще ничего не умеет. Не идти же ей в супермаркет кассиршей! Впрочем, она и на это не способна.

И Люсетта накрывала голову подушкой, чтобы вовсе не думать.

Итак, той ночью ребенок непрерывно икал в животе у Люсетты.

Трудно представить себе, до чего это может довести девочку, которая и так находится на грани нервного срыва.

Фабьен безмятежно спал рядом. Люсетта же была на восьмом часу бессонницы и на восьмом месяце беременности. Ей казалось, что в раздувшемся животе скрывается бомба замедленного действия.

Ребенок икал, а Люсетте чудилось, будто это тикает часовой механизм, отсчитывая секунды до взрыва. И вот наваждение стало реальностью: взрыв действительно произошел – у Люсетты в голове.

Движимая внезапной уверенностью, она встала, удивляясь, как это раньше не приходило ей в голову.

Прошла в другую комнату, отыскиала револьвер там, где Фабьен его прятал.

Вернулась к постели. Взглянула на красивое лицо спящего юноши, прицелилась ему в висок и шепнула:

– Я люблю тебя, но обязана защитить моего ребенка.

Приставив револьвер вплотную к голове Фабьена, она стреляла до тех пор, пока не кончилась обойма.

Взглянула на кровь, забрызгавшую стену. И совершенно спокойно набрала номер полиции:

– Я только что убила своего мужа. Приезжайте.

Приехавшие полицейские увидели маленькую девочку с животом до самых глаз. В правой руке она сжимала револьвер.

– Бросьте оружие! – грозно скомандовали они.

– Пожалуйста, оно не заряжено, – ответила Люсетта, подчиняясь их приказу.

Затем она провела полицейских к супружескому ложу, чтобы показать содеянное.

– Куда ее, в комиссариат или в больницу?

– Зачем в больницу? Я не больна.

– Этого мы не знаем. Но вы беременны...

– Мне еще рано рожать. Везите меня в полицию, – потребовала она так, словно это было ее неоспоримое право.

Люсетту доставили в полицию и сказали, что она может вызвать адвоката.

Она ответила, что это необязательно. Человек в кабинете задавал ей бесчисленные вопросы, в частности такие:

– Почему вы убили своего мужа?

– У меня малыш икал в животе.

– Ну и что же?

– Ничего. Я убила Фабьена.

– Вы его убили, потому что у вас в животе икал младенец?

Люсетта растерянно помолчала, прежде чем ответить:

– Нет. Все не так просто. Хотя теперь малыш уже не икает.

– Значит, вы убили мужа, чтобы ребенок перестал икать?

Люсетта истерически рассмеялась:

– Да нет же, что за глупости!

– Тогда зачем вы убили своего мужа?

– Чтобы защитить моего ребенка! – объявила она, на сей раз с трагической серьезностью.

– Ага! Значит, ваш муж угрожал ему?

– Да.

– Вот с этого и надо было начать.

– Вы правы.

– И чем же он ему угрожал?

– Он хотел назвать его Танги, если это будет мальчик, и Жоэль – если родится девочка.

– Ну, и?..

– И все.

– Вы убили своего мужа, потому что вам не понравились имена, которые он выбрал?

Люсетта нахмурилась. Она ясно чувствовала, что ее доводы не слишком убедительны, однако считала себя абсолютно правой. Сама-то она прекрасно понимала причины своего поступка, и ей было досадно, что не удастся объяснить их другим. Тогда она решила хранить молчание.

– Вы уверены, что не нуждаетесь в адвокате?

Да, она была уверена. У нее все равно не получится доказать адвокату свою правоту. Он примет ее за сумасшедшую, как и все остальные. Чем больше она наговорит, тем скорее ее сочтут безумной. Значит, нужно помалкивать, вот и все.

Люсетту посадили в тюрьму. Ежедневно ее навещала медсестра.

Когда ей сообщали о приходе матери или старшей сестры, она отказывалась от свидания.

Отвечала только на вопросы, касавшиеся ее беременности. В остальных случаях упорно молчала.

Зато она мысленно говорила сама с собой: «Я хорошо сделала, что убила Фабьена. Он был не плохой, просто заурядный. Единственное, что в нем было незаурядного, – это револьвер, но он и ему нашел бы самое обычное применение – стрелял бы в мелких воришек или, чего доброго, дал бы поиграть малышу. Нет, я поступила правильно, обратив это оружие против него. Назвать своего ребенка Танги или Жоэль – значит уготовить ему жизнь в заурядном мирке, заранее сузить горизонт. А я хочу подарить ему бесконечность. Пусть он не чувствует себя связанным, пусть имя поможет ему обрести необычную судьбу!»

Люсетта родила в тюрьме девочку. Взяв новорожденную на руки, она взглянула на нее с бесконечной любовью. Ни одна молодая мать не взидала на своего младенца с таким восторгом.

- Ты прекраснее всех на свете! – твердила она дочери.
- Как вы ее назовете?
- Плектруда.

Целые делегации надзирательниц, психологов, каких-то ничтожных юристов и еще более ничтожных врачей пытались отговорить Люсетту: она не может назвать так свою дочь!

– Нет, могу. У нас была такая святая – Плектруда. Не помню, чем она прославилась, но она точно существовала.

Проконсультировались со специалистом, он подтвердил наличие такой святой.

- Люсетта, подумайте же о девочке!
- А я только о ней и думаю.
- У нее будет куча проблем из-за такого имени.
- Зато люди сразу поймут, что моя дочь – необыкновенная.
- Можно зваться Марией и быть при этом необыкновенной.
- Нет. Имя Мария не оберегает. А имя Плектруда – надежно, его второй слог тверд и звонок, как щит.

- Ну назовите ее хотя бы Гертрудой, и то будет легче.
- Нет. Первый слог Плектруды напоминает «пектораль»¹; это имя – талисман.
- Это имя – дикость, ваш ребенок станет посмешищем для людей.
- Нет. Оно сделает ее сильнее и научит защищаться.
- Но к чему давать ей лишний повод для защиты? У нее и без того будет достаточно неприятностей в жизни!

– Это вы меня имеете в виду?

– И вас в том числе.

– Успокойтесь, я недолго буду мешать ей. А теперь слушайте: я сижу в тюрьме, я лишена всех прав. Единственное, что у меня осталось, – право назвать моего ребенка так, как я хочу.

– Это чистейший эгоизм, Люсетта!

– Напротив. И потом, вас это не касается.

Она настояла на том, чтобы ребенка окрестили в тюрьме, – таким образом она могла проследить за исполнением своей воли.

Той же ночью Люсетта разорвала простыни, связала обрывки и повесилась. Утром надзиратели обнаружили в камере ее почти невесомый труп. Она не оставила никакого письма, никаких объяснений. Имя дочери, на котором она так упорно настаивала, было единственным ее завещанием.

Клеманс, старшая сестра Люсетты, приехала в тюрьму, чтобы забрать ребенка. Тюремное начальство было очень довольным, что избавилось от маленькой новорожденной, появившейся на свет при столь зловещих обстоятельствах.

У Клеманс и ее мужа Дени было двое детей – четырех и двух лет, Николь и Беатриса. Они решили, что Плектруда станет их третьим ребенком.

Николь и Беатрисе показали их новую сестричку. Им и в голову не приходило, что это дочь Люсетты, о которой они почти ничего не знали.

¹ Пектораль – металлическое нагрудное украшение или нагрудные латы. (Здесь и далее примеч. перев.)

Они были еще слишком малы, чтобы воспринимать имя девочки как дикую нелепость, и свыклись с ним, несмотря на некоторые трудности в произношении. Довольно долго они звали ее Пекрудой.

Никогда еще свет не видел младенца, который так умел бы вызывать к себе любовь. Уж не чувствовала ли эта малышка, какие трагические события предшествовали ее рождению? Своими проникновенными взглядами она словно заклинала окружающих не принимать случившееся во внимание. Следует отметить, что глаза Плектруды обладали одним неоспоримым достоинством – они сияли неземной красотой.

Тщедушная кроха устремляла на свою цель бездонный взгляд магнетической силы. Казалось, эти огромные прекрасные очи говорят Клеманс и Дени: «Любите меня! Ваш удел – любить меня! Мне всего восемь недель, но, несмотря на это, я уже необыкновенное, высшее существо! Если бы вы знали, если бы вы только знали!..»

Дени и Клеманс как будто и в самом деле знали. Они с первого же дня восхищались Плектрудой. Все в ней было оригинально и странно – и невыносимая медлительность, с которой она сосала молоко из бутылочки, и то, что она никогда не плакала, мало спала ночью и много – днем, и манера властно указывать пальчиком на предметы, которые ее привлекали.

Кто бы ни взял ее на руки, она одаряла этого человека серьезным, глубоким взглядом, говорившим ему: «Это еще только начало великой истории нашей любви, она заставит вас потерять голову».

Клеманс, безумно любившая покойную сестру, перенесла эту пылкую привязанность на Плектруду. Не то чтобы она любила ее больше своих детей, это было совсем иное чувство. Николь и Беатриса внушали ей безграничную нежность, Плектруду же она боготворила.

Обе старшие девочки были очаровательными, милыми, умненькими, симпатичными; младшая, приемная, ничуть на них не походила – божественное, яркое, загадочное, диковинное создание.

Дени с самого начала был без ума от нее, и с годами это чувство не утратило силы. Но ничто не могло сравниться с той благоговейной любовью, которую питала к девочке Клеманс. Сестру и дочь Люсетты связывала настоящая страсть, иначе не скажешь.

Плектруда отличалась полным отсутствием аппетита и подрастала так же медленно, как ела. Это доводило родителей до отчаяния. Николь и Беатриса – те уплетали за обе щеки и росли как на дрожжах. Их пухлые мордашки несказанно радовали отца с матерью. У Плектруды же становились больше одни глаза.

- Неужели мы так и будем называть ее этим именем? – спросил как-то раз Дени.
- Конечно. Такова воля моей покойной сестры.
- Твоя сестра была ненормальная.
- Неправда! Просто чересчур впечатлительная. Но в любом случае Плектруда – красивое имя.
- Ты так считаешь?
- Да. И притом оно ей очень идет.
- Не согласен. Она похожа на сказочную фею. Будь моя воля, я бы назвал ее Авророй.
- Слишком поздно. Девочки уже привыкли к ее нынешнему имени. И, уверяю тебя, оно ей очень подходит – прямо древнегерманская принцесса.
- Бедный ребенок! Натерпится в школе из-за своего имени.
- О, только не она! У нее достаточно сильный характер.

Плектруда произнесла свое первое слово в положенный срок, и слово это было «мама».

Клеманс пришла в восторг. Дени, посмеиваясь, заметил ей, что обе их старшие дочери – как, впрочем, и любой ребенок на свете – тоже сначала сказали именно «мама».

– Ну, нашел с чем сравнить! – воскликнула Клеманс.

В течение долгого времени «мама» было единственным словом Плектруды.

Подобно пуповине, оно служило ей надежной связью с окружающим миром. Она сразу стала выговаривать его необыкновенно четко, с правильным ударением, в отличие от других младенцев, которые поначалу лопочут «ма-ма-ма».

Она произносила его нечасто, но уж если произносила, то делала это с торжественной отчетливостью, сразу привлекавшей внимание. Можно было поклясться, что девочка сознательно выбирает самый подходящий момент, желая добиться наивысшего эффекта.

Клеманс было шесть лет, когда родилась Люсетта, и она прекрасно помнила младшую сестренку новорожденной, годовалой, двухлетней и так далее. Поэтому тут сомневаться не приходилось:

– Люсетта была самым обычным ребенком. Она часто плакала, иногда вела себя как ангел, иногда невыносимо капризничала. Но в ней не было ничего выдающегося. Плектруда совершенно на нее не похожа: молчалива, серьезна, вдумчива. Сразу видно, какая она умная.

Дени ласково подшучивал над женой:

– Перестань делать из нее божество. Она очаровательная малютка, вот и все.

И, расчувствовавшись, поднимал Плектруду высоко над головой.

Прошло довольно много времени, прежде чем Плектруда произнесла второе слово – «папа».

На следующий день, вероятно из чисто дипломатических побуждений, она сказала «Николь» и «Беатриса».

Ее выговор был безупречен.

Она говорила как ела, с той же философской дотошностью. Каждое новое слово требовало от нее не меньше сосредоточенности и размышлений, чем новая пища.

Заметив у себя в тарелке какой-нибудь незнакомый овощ, она указывала на него пальчиком и вопрошала Клеманс:

– Это?..

– Это порей. По-рей. Попробуй, какой он вкусный.

Плектруда не менее получаса внимательно разглядывала кусочек в ложке. Подносила к носу, нюхала и снова долго изучала.

– Ну вот, все уже остыло! – огорченно говорил Дени.

Но Плектруде это было безразлично. Завершив осмотр, она клала кусочек в рот и бесконечно долго дегустировала. Она не спешила выносить суждение: повторяла опыт со вторым кусочком, затем с третьим. Самое удивительное, что она поступала так даже в тех случаях, когда после четырех проб выносила приговор:

– Невкусно!

Обычно ребенок, которому не понравилась какая-то еда, заявляет об этом сразу, едва попробовав. Плектруда же действовала в высшей степени основательно, она хотела быть до конца уверенной в своих вкусах.

То же самое происходило и с речью: она долго хранила в себе словесные новинки, всесторонне изучала их, поворачивая то так, то эдак, прежде чем выговорить – чаще всего не попадая, ко всеобщему удивлению:

– Жираф!

Почему она говорила «жираф» в тот момент, когда все собирались на прогулку? Родители подозревали, что она сама не понимает своих высказываний. Однако она все прекрасно понимала. Просто ее размышления не зависели от внешних обстоятельств. В тот миг, когда на Плектруду надевали пальто, она вдруг осознала, что жираф – это бесконечно длинные ноги и шея, ей не терпелось произнести вслух новое слово, чтобы сообщить окружающим о появлении жирафа в ее внутреннем мире.

– Ты заметил, какой у нее чудесный голос? – спрашивала Клеманс.

– А ты когда-нибудь встречала ребенка, у которого не было бы милого голоса? – парировал Дени.

– Вот именно! У нее чудесный голос, а не милый, – отвечала его жена.

В сентябре Плектруду отдали в детский сад.

– Ей будет три только через месяц. Может, мы привели ее слишком рано?

Однако проблема заключалась совсем в другом.

Несколько дней спустя воспитательница объявила Клеманс, что не может оставить Плектруду в своей группе.

– Вы хотите сказать, что она еще слишком мала?

– Нет, мадам. У меня тут есть детишки и младше нее.

– Тогда в чем дело?

– Все дело в ее взгляде...

– Что?

– Дети плачут, когда она смотрит на них в упор. И должна вам сказать, я их понимаю: когда она глядит на меня, мне тоже становится не по себе.

Клеманс, лопаясь от гордости, хвасталась всей округе: дочку исключили из детского сада из-за ее удивительных глаз. В жизни никто не слыхивал ничего подобного.

Люди уже начинали потихоньку судачить:

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы ребенка исключили из детского сада?

– И вдобавок из-за глаз!

– А у нее и вправду очень странный взгляд, у этой девчонки!

– Обе старшие такие умницы, такие милые. А в младшую словно нечистый дух вселился!

Знали ли соседи обстоятельства ее рождения? Клеманс поостереглась расспрашивать их на сей счет. Она предпочитала не ставить под сомнение свое прямое родство с Плектрудой.

И до чего же она была счастлива, что девочка снова при ней! Каждое утро Дени по пути на работу отвозил старших дочерей – одну в школу, другую в детский сад. А Клеманс оставалась дома наедине с самой младшей.

Едва затворив дверь за мужем и детьми, она становилась другой – теперь это была ворожея и колдунья.

– Ну вот, никто нам больше не помешает! Давай преображаться!

И она преображалась в полном смысле этого слова: не только сбрасывая повседневную одежду и кутаясь в роскошные ткани, наподобие восточной царицы, но меняя самую свою сущность: миг назад всего лишь скромная мать семейства, она оборачивалась таинственным сказочным существом, чародейкой, наделенной безграничной властью.

Под пристальным взглядом ребенка двадцативосьмилетняя женщина воскрешала в себе юную фею и древнюю ведунью, затаившихся до поры до времени.

Раздев малышку, Клеманс наряжала ее в пышное бальное платье, купленное тайком от домашних. Брала девочку за руку и вела к большому зеркалу:

– Видишь, какие мы с тобой красивые?

И Плектруда упоенно вздыхала.

Потом Клеманс начинала танцевать, чаруя свою трехлетнюю дочку, и та с восторгом подражала ей. Клеманс придерживала ее за пальчики, внезапно подхватывала на руки и кружила, кружила в воздухе.

Плектруда визжала от радости. Зная порядок священнодействия, она командовала:

– А теперь смотреть сокровища!

– Какие еще сокровища? – с притворным удивлением спрашивала Клеманс.

– Сокровища принцессы.

«Сокровищами принцессы» назывались разные предметы, которые они отобрали как самые изысканные, самые прекрасные, самые удивительные и редкостные – словом, достойные восхищения столь высокой особы.

На восточном ковре в гостиной Клеманс раскладывала свои старые украшения, турецкие башмачки из пунцового бархата, которые она и надела-то всего один раз, маленький лорнет в золоченой оправе в стиле «ар-нуво», серебряный портсигар, арабский латунный кувшин, инкрустированный фальшивыми, но великолепно играющими камешками, белые кружевные перчатки, пластмассовые разноцветные перстни, купленные в уличном автомате, позолоченную картонную корону с праздника Богоявления.

Таким образом, перед ними собиралась целая груда чудеснейших предметов: стоило прищуриться, и они выглядели настоящими сокровищами.

Малышка, разинув рот, зачарованно смотрела на эту «пиратскую добычу». Она брала в руки каждую вещь и с благоговением ее разглядывала.

Иногда Клеманс надевала на девочку все свои украшения и бархатные туфельки, затем, протянув ей лорнет, говорила:

– Вот, посмотри, какая ты красивая.

Затаив дыхание, малышка любовалась своим отражением в зеркале: из-под сверкающей мишуры и блестящих висюлек на нее смотрела трехлетняя королева, жрица в пышном убранстве, персидская невеста в день свадьбы, византийская святая с иконы. И в каждом из этих диковинных персонажей она узнавала себя.

Любой сторонний зритель расхохотался бы при виде этой крохи, разубранной, как драгоценный идол. Клеманс улыбалась, но ей и в голову не приходило смеяться: красота девочки завораживала. Плектруда была прекрасна, точно сказочные принцессы на гравюрах старинных книг.

«Нынешние дети не бывают так красивы, – с полным отсутствием логики думала Клеманс, – да и дети былых времен вряд ли могли бы с ней сравниться!»

Она включала «музыку для принцессы» (Чайковский, Прокофьев) и готовила вместо обеда детский полдник – пряники, шоколадные пирожные, яблочные слойки, миндальное печенье, ванильный крем, а к ним напитки – оршад или сладкий сидр.

Клеманс расставляла эти лакомства на столе и стыдясь, и посмеиваясь: она никогда не позволила бы своим старшим дочкам питаться одними сладостями. Но она оправдывала себя тем, что Плектруда – совсем другое дело:

– Это пир для детей из сказки.

Опустив шторы, Клеманс зажигала свечи и звала малышку к столу. Плектруда почти не прикасалась к пище, слушая как зачарованная то, что рассказывала мама.

К двум часам дня Клеманс вдруг вспоминала, что старшие дочери вернутся домой через каких-нибудь три часа, а она еще не выполнила ни одной из повседневных обязанностей матери семейства.

Торопливо натянув будничную одежду, она выбегала из дому, чтобы купить на углу обыкновенные продукты, по возвращении быстро наводила порядок в квартире, бросала в машину грязное белье и шла за детьми в школу и сад. В спешке она иногда забывала или просто не решалась снять с дочери маскарадный костюм – ибо в ее глазах костюм Плектруды вовсе не был маскарадным.

В результате прохожие видели шагающую по улице веселую молодую женщину, которая вела за руку крошечное создание, разряженное так, как не осмелились бы нарядиться даже принцессы из «Тысячи и одной ночи».

У дверей школы это зрелище вызывало поочередно изумление, смех, умиление и – осуждение.

Николь и Беатриса неизменно встречали диковинное одеяние младшей сестренки радостными криками, но некоторые матери говорили громко, не стесняясь быть услышанными:

- Это же надо – вырядить так ребенка!
- Она все-таки не цирковая обезьяна!
- Не удивлюсь, если девочка пойдет по дурной дорожке.
- Расфуфырить эдак родную дочь, чтобы привлечь к себе внимание, – вот ужас-то!

Были, правда, и другие взрослые, не такие глупые; они умилялись, глядя на волшебное видение. А «видению» восторг зрителей доставлял огромное удовольствие; девочке казалось вполне естественным, что все на нее смотрят, ведь зеркало давно убедило ее, что она и впрямь прекрасна, и восхищение окружающих лишь усиливало в ее душе сладостный трепет.

Здесь важно сделать небольшое отступление, чтобы раз и навсегда покончить с одним нелепым, прискорбно затянувшимся недоразумением. Назовем его энцикликой для Арсиной всех времен и народов.

В «Мизантропе» Мольера старая ведьма Арсиноя, лопааясь от зависти, внушает юной прелестной кокетке Селимене, что она не должна упиваться своей красотой. На это Селимена дает ей совершенно восхитительный ответ. Увы, гений Мольера оказался бессилён: минуло уже четыре века, а ханжи по-прежнему донимают занудными нравоучениями тех, кто имел несчастье улыбнуться собственному отражению.

Автор этих строк никогда не испытывал радости, глядя на себя в зеркало, но, будь мне дарована привлекательная внешность, я ни за что не отказалась бы от этого невинного удовольствия.

Так вот, моя речь обращена к Арсиноям всего мира: что ужасного нашли вы в этом занятии? Кому вредят счастливицы, радующиеся собственной красоте? Не следует ли почитать их скорее благодетельницами, ибо они скрашивают наше печальное существование, позволяя созерцать свои хорошенькие личики?

Здесь автор имеет в виду не тех спесивых гордячек, что видят в смазливой мордашке повод для высокомерия и чванства, но тех, кто, восхищаясь собственной внешностью, хочет приобщить к этой естественной радости и других.

Если бы Арсиноя употребили ту неумную энергию, с какой они обличают Селимен, на заботы о самих себе, они стали бы куда менее уродливыми.

Итак, собравшиеся у школьных дверей Арсиноя, что молодые, что старые, сурово осуждали Плектроду. А та, как истинная Селимена, не обращала на них никакого внимания, интересуясь лишь своими поклонниками и высматривая на их лицах восторженное изумление. Она получала от этого наивное удовольствие и становилась еще краше.

Клеманс приводила детей домой. Пока старшие корпели над домашними заданиями или рисовали, она готовила обычный ужин – ветчину, пюре, – втайне посмеиваясь над различиями меню для своего потомства.

И, однако, ее никак нельзя было заподозрить в предпочтении одной из дочерей: она одинаково сильно любила всех троих. Просто эта любовь соответствовала характеру каждой из девочек: спокойная и прочная – к Николь и Беатрисе, неистовая и колдовская – к Плектруде. Но все это не мешало Клеманс быть прекрасной матерью.

Когда у девочки спросили, какой подарок ей хочется получить к своему четырехлетию, она, не колеблясь ни секунды, ответила:

– Балетные туфельки.

Этим тонким намеком она дала понять родителям, кем собирается стать.

Ничто не могло доставить Клеманс большей радости: в пятнадцать лет ее не приняли в балетное училище при Опере, и она так и не утешилась после этого провала.

Плектруду записали в балетную школу, в класс для четырехлеток. Оттуда девочку не только не исключили из-за пристального взгляда, а, напротив, тут же выделили из общей массы.

– У этой крошки глаза танцовщицы, – объявила дама-педагог.

– Разве такое бывает – глаза танцовщицы? – удивилась Клеманс. – Скорее можно говорить о фигуре, о грации танцовщицы!

– Все это ей дано. Но у нее еще и глаза танцовщицы, а это, поверьте мне, в нашем деле самое главное и самое редкое. Если у балерины нет «взгляда», ее танец никогда не будет одухотворенным.

И действительно: когда Плектруда танцевала, взгляд ее обретал магическую силу. «Она нашла себя», – думала Клеманс.

Плектруде исполнилось пять лет, но она все еще не ходила в детский сад. Мать считала, что занятий в балетной школе вполне достаточно, чтобы освоиться в детском коллективе. Дени спорил с женой.

– В саду учат не только этому, – утверждал он.

– Да зачем ей учиться клеить переводные картинки, делать гирлянды и плести макраме? – восклицала его супруга, закатывая глаза к небу.

На самом деле Клеманс просто хотела как можно дольше оставаться наедине с дочерью. Ей безумно нравилось проводить дни в ее обществе. А балетная школа имела одно неоспоримое преимущество перед детским садом: матерям разрешалось присутствовать на занятиях.

С восторженной гордостью следила она за пируэтами дочери. «Да у нее просто талант!» В сравнении с Плектрудой другие девочки казались ей гусынями.

После каждого урока дама-педагог неизменно подходила к Клеманс со словами:

– Ей обязательно нужно учиться танцу, у нее выдающиеся способности.

Клеманс приводила малышку домой, пересказывая ей по пути услышанные комплименты. Плектруда принимала их с благосклонностью истинной дивы.

– Ну что ж, значит, обойдемся без детского сада, – заключал Дени с веселым фатализмом подкаблучника.

Увы, приготовительного класса никак нельзя было избежать.

Когда в августе Дени собрался записывать Плектруду в школу, Клеманс запротестовала:

– Ей всего пять лет!

– В октябре будет шесть.

На сей раз он держался стойко. И первого сентября повез в школу не двоих, а всех троих детей.

Впрочем, младшая вовсе не отказывалась учиться. Наоборот, она очень гордилась тем, что надела школьный ранец. В результате у дверей школы разыгралась странная сцена: мать плакала, глядя вслед уходящей дочери.

Но Плектруда быстро разочаровалась. Уроки в школе совсем не походили на балетные занятия. Здесь нужно было не шевелясь сидеть за партой целыми часами. И слушать учительницу, которая говорила совершенно неинтересные вещи.

Потом была перемена. Плектруда устремилась во двор, чтобы попрыгать на воле, – ее бедные ножки затекли от долгой неподвижности.

Во дворе дети играли вместе: почти все они знали друг друга еще с детского сада. Они дружно болтали, и Плектруде захотелось узнать, о чем идет речь.

Она подошла и прислушалась. Шум стоял страшный, дети кричали все разом, так что невозможно было различить, кто о чем говорит: «А наша учительница... а мои каникулы... а эта Магали... а твои заколки... дай мне „малабарку“!² Магали – моя подружка... молчи, сама дура!.. уй-юй-юууу!.. у тебя нет „малабарок“?.. ну почему мы с Магали не в одном классе!.. отстань, мы с тобой больше не играем!.. вот скажу учительнице!.. эх ты, ябеда-корябеда!.. а нечего было толкаться!.. Магали меня любит больше, чем тебя... ну и дурацкие у тебя туфли!.. ой, кончааай!.. девочки, хватит дурить!.. хорошо, что я не в твоём классе... а Магали...»

Плектруда в ужасе отошла подальше.

Затем снова пришлось слушать учительницу. И то, что она рассказывала, опять было неинтересно, хотя и более связно, чем шумная болтовня одноклассников. В общем, урок еще можно было стерпеть, если бы не запрет двигаться. К счастью, в классе имелось окно.

– Ну-ка, скажи... я тебя спрашиваю!

Услышав в пятый раз «я тебя спрашиваю» и смешки детей, Плектруда поняла, что обращаются именно к ней, и обвела присутствующих испуганными глазами.

– Туго же до тебя доходит! – заметила учительница.

Дети с любопытством пялились на Плектруду, как на застигнутую врасплох преступницу. Это было ужасное ощущение. Маленькая танцовщица никак не могла понять, в чем она провинилась.

– Изволь смотреть на меня, а не в окно! – приказала учительница.

На это нечего было ответить, и она смолчала.

– Нужно сказать: «Да, мадам»!

– Да, мадам.

– Как тебя зовут? – спросила учительница с таким видом, словно грозила: «Ты у меня станешь шелковой!»

– Плектруда.

– Как-как?

– Плектруда, – звонко повторила девочка.

Дети были еще слишком малы, чтобы оценить всю оригинальность этого имени. Зато учительница вытаращила глаза, сверилась с классным журналом и объявила:

– Ну, если ты вздумала привлечь к себе внимание, тебе это удалось.

Как будто Плектруда сама выбрала себе это имя.

² «Малабар» – вид твердой карамели (фр.).

Малышка подумала: «Ничего себе! Уж если здесь кто и хочет привлечь к себе внимание, так это она. Не зря же она злобствует, когда на нее не смотрят! Хочет, чтобы все ею любовались, а чем там любоваться-то!»

Однако учительница была главнее, и Плектруде пришлось покориться. Она уставилась на женщину своими огромными немигающими глазами. Той стало не по себе, но протестовать она не осмелилась, дабы не опровергнуть собственный приказ.

Но самое ужасное случилось во время обеда. Учеников привели в просторную столовую, где царили два весьма характерных запаха – детской рвоты и хлорки.

Детям полагалось рассаживаться по десять человек. Плектруда не знала, куда идти, и зажмурилась, чтобы избежать выбора. Толпа подхватила ее и вынесла к столу с незнакомыми соседями.

Подавальщицы стали разносить блюда с какой-то непонятной едой мутного цвета. Испуганная Плектруда никак не могла решиться положить себе эту странную снедь. Тогда ее обслужили, не спрашивая, и перед ней очутилась полная миска зеленоватой бурды, усеянной крошечными кусочками коричневого мяса.

Плектруда тоскливо спрашивала себя, за что ее постигла столь жестокая участь. До сих пор обед был для нее волшебным празднеством, где она сидела в мерцании свечей, надежно защищенная от внешнего мира красными бархатными портьерами, и где ее красивая мама в царственном одеянии под звуки неземной музыки подносила ей пирожные и кремы, которые даже не обязательно было есть.

Здесь же, в этом убогом помещении, где так странно пахло, где гулкое эхо повторяло крики противных, грязных мальчишек и девчонок, ей шлепнули в миску порцию зеленого пюре, предупредив, что она не уйдет из столовой, пока не съест все до конца.

Возмущенная несправедливостью судьбы, Плектруда все же решила смириться и очистить миску. Это была настоящая пытка. Малышка давилась, с трудом глотая пищу. Едва она одолела половину, как ее вырвало прямо в миску, и тут ей стало ясно, отчего в столовой так пахнет.

– Фу, насвинячила! – закричали ей соседи по столу.

Одна из подавальщиц со вздохом унесла миску.

Слава богу, в тот день ее больше не заставляли есть.

После этого кошмара Плектруде опять пришлось слушать учительницу, которая безуспешно старалась обратить на себя всеобщее внимание. Она выписывала на черной доске неведомые, сцепленные между собой закорючки, которые даже и красивыми-то назвать было нельзя.

В половине пятого Плектруде наконец разрешили покинуть это жуткое, отвратительное место. Выйдя из школы, она увидела маму и со всех ног кинулась к ней, ища спасения.

Клеманс с первого же взгляда поняла, как настрадалась ее дочка. Она прижала ее к себе, глядя и нежно утешая:

– Ну-ну, все уже позади, все кончилось.

– Правда? – с надеждой спросила малышка. – Я больше туда не пойду?

– Придется, дорогая. Это необходимо. Но ты привыкнешь.

И Плектруда поняла, что люди рождаются на свет вовсе не для радости.

Она не смогла к этому привыкнуть. Школа как была, так и осталась для нее адом.

К счастью, она продолжала заниматься балетом. И если все, что рассказывала учительница в классе, казалось ей глупым и бессмысленным, то все, что объясняла преподавательница танца, было упоительно интересно и в высшей степени полезно.

Этот разрыв начал создавать определенные проблемы. По истечении нескольких месяцев большинство детей в классе уже научились читать и писать буквы. Плектруда же, видимо, твердо решила для себя, что эти вещи ее не касаются: когда учительница вызывала ее и показывала букву на доске, она произносила первый попавшийся звук, всегда ошибаясь и слишком уж нарочито демонстрируя свое безразличие.

В конце концов учительница вызвала в школу родителей этой лентяйки. Дени был уязвлен: Николь и Беатриса учились хорошо и никогда не подвергали отца с матерью такому унижению. Клеманс в глубине души ощутила смутную гордость: эта маленькая строптивница ни в чем не похожа на других!

– Если так будет продолжаться, она останется в подготовительном классе на второй год! – угрожающе объявила учительница.

Клеманс пришла в восторг: ей никогда не доводилось слышать, чтобы кто-то остался на второй год в «нулевке». Нежелание дочери учиться казалось ей блистательным проявлением независимости, бесстрашия и чисто аристократического пренебрежения условностями. Ну какой еще ребенок осмелился бы на такой мятеж! Там, где даже самые недалекие без особого труда справлялись с программой, ее Плектруда храбро отстаивала свою непохожесть на других, нет, свою исключительность!

Однако Дени придерживался иного мнения:

– Мы примем меры, мадам! Возьмем ситуацию под контроль!

– А можно ли еще избежать повторения нулевого цикла? – спросила Клеманс с надеждой, которую присутствующие истолковали превратно.

– Ну разумеется. При условии, что девочка освоит буквы до конца учебного года.

Клеманс с трудом скрыла разочарование. Увы, это было слишком прекрасно, чтобы оказаться правдой!

– Она освоит, мадам, – обещал Дени. – Но вообще, это странно: малышка выглядит очень толковой.

– Возможно, месье. Проблема в том, что ей неинтересно.

«Ей неинтересно! – в восторге думала Клеманс. – Она просто изумительна! Ей неинтересно! Какой характер! Там, где другие дети покорно глотают все, что в них впикивают, моя Плектруда делает сознательный выбор между тем, что интересно и неинтересно!»

– Мне это неинтересно, папа.

– Но ведь интересно же – уметь читать! – возразил Дени.

– Зачем?

– Чтобы читать всякие истории.

– Ну уж, ты скажешь! Нам иногда читают в классе истории из учебника. Они такие дурацкие, что я перестаю слушать через две минуты.

Клеманс мысленно заплотировала дочке.

– Хочешь остаться на второй год? Ты этого добиваешься? – возмутился Дени.

– Я хочу быть балериной.

– Даже для того, чтобы стать балериной, нужно закончить подготовительный класс.

Внезапно Клеманс стало ясно, что муж прав. И она тотчас приняла решение. У себя в спальне она отыскала огромный том сказок, изданный еще в прошлом веке.

Посадив малышку к себе на колени, Клеманс благоговейно перелистывала книгу. У нее хватило благоразумия не читать вслух, она только показывала девочке самые красивые иллюстрации.

Это произвело настоящий переворот в жизни Плектруды: никогда еще она не была так очарована: принцессы, слишком прекрасные, чтобы называться земными созданиями, томились в каменных башнях, беседовали с голубыми птицами (которые оказывались заколдо-

ванными принцами) или же переодевались в нищенские лохмотья, чтобы через несколько страниц стать еще прекраснее, чем прежде.

В тот миг она уже знала, с детской несокрушимой уверенностью, что и сама когда-нибудь станет таким существом, которое заставляет старых жаб грустить о прошлом, ведьм обращает в гадких уродин, а принцев – во влюбленных дурней.

– Не волнуйся, – заверила мужа Клеманс, – она научится читать еще до конца недели.

Ее предсказание сбылось с большой поправкой: два дня спустя Плектруда вдруг освоила скучнейшие буквы, которые, как ей казалось, она не запомнила в классе, и связала наконец воедино знак, звук и значение. На третий день она читала в сто раз лучше, чем первые ученики приготовительного класса. Откуда вывод: единственный ключ к знаниям – желание, и ничего более.

Плектруда вообразила, что в книге сказок есть рецепт, как стать одной из принцесс, изображенных на картинках. Чтение сделалось необходимостью, и она мгновенно овладела этой наукой.

– Почему ты не показала ей эту книгу раньше? – в восторге спрашивал Дени.

– Потому что такая книга – просто сокровище. И я не хотела показывать ее раньше времени, чтобы не испортить впечатления. Плектруде нужно было дорасти до настоящего искусства.

Итак, два дня спустя учительница констатировала чудо: отпетая двоечница, единственная в классе не знавшая букв, читала теперь не хуже первых учеников начальной школы.

За два дня она освоила все, чему профессиональный преподаватель не смог научить ее за пять месяцев. Мадам сочла, что родители девочки владеют какой-то особой методикой, и позвонила им. Лопаясь от гордости, Дени сказал чистую правду:

– Да мы ничего такого не делали. Просто показали одну замечательную книгу, чтобы ей захотелось читать. Именно этого ей и не хватало в классе.

Простодушному родителю было невдомек, что он сморозил большую глупость.

Учительница, которая и раньше-то недолюбливала Плектруду, теперь просто возненавидела ее. Случившееся чудо она восприняла как личное оскорбление и прониклась к малышке ненавистью, которую посредственные умы питают к блестящим: «Ах, мадемуазель требуются особые книги! Скажите пожалуйста! Как будто моя хрестоматия недостаточно хороша для нее!»

В недоумении и ярости она проштудировала от корки до корки пресловутую хрестоматию. Там рассказывалось о повседневной жизни некоего Тьерри, маленького веселого мальчика, и о его старшей сестре Мишлине, которая готовила братцу тартинки на полдник и не разрешала шалить, поскольку сама была умной и послушной девочкой.

– Но ведь это очаровательно! – воскликнула учительница, окончив чтение. – Так свежо, так интересно! Чего ей еще надо, этой привереде?

А «привереде» требовались золото, мирра и фимиам, пурпур и лилии, синий бархат ночи, усеянный звездами, гравюры Гюстава Доре, неулыбчивые девочки с серьезными глазами, страшные и диковинные волки, зловещие леса – словом, все, что угодно, только не полдни Тьерри и его старшей сестрицы Мишлины.

Учительница пользовалась любым предлогом, чтобы излить свою ненависть на Плектруду. Поскольку та считала хуже всех в классе, она окрестила ее «безнадежным случаем». Однажды, когда девочке никак не удавалось сложить два числа в пределах десятка, мадам отослала ее на место со словами:

– Сколько ни старайся, все равно ничего из тебя не выйдет.

Ученики подготовительного класса находились еще в том бездумном возрасте, когда кажется, что взрослые всегда правы и сомневаться в их доводах немыслимо. Плектруда стала объектом всеобщего презрения.

Зато в балетной школе она, в силу той же логики, была королевой. Преподавательница восхищалась ее блестящими способностями и, не говоря об этом вслух (что было бы непедagogично по отношению к другим детям), считала ее лучшей из всех, кого ей доводилось учить. Поэтому и девочки благоговели перед Плектрудой и оспаривали друг у дружки честь танцевать рядом с нею.

Таким образом, она вела две совершенно разные жизни – в обычной школе, где ей приходилось в одиночку противостоять всему классу, и в балетной, где на нее смотрели как на звезду.

Плектруда была достаточно самокритична и понимала, что дети из балетной школы первыми презирали бы ее, учись они вместе с ней в подготовительном классе. Поэтому она держалась высокомерно с теми, кто искал ее дружбы, и эта холодность еще сильнее подогревала обожание маленьких балерин.

К концу учебного года Плектруда все-таки сумела, ценой тяжких усилий, освоить четыре действия арифметики и кое-как перешла в следующий класс. В награду родители подарили ей балетный станок, чтобы она могла заниматься дома перед большим зеркалом. Она провела каникулы за упорной работой и к концу августа научилась вытягивать ногу вертикально вверх.

В первый день школьных занятий ее ждал сюрприз: класс был тем же, что и в прошлом году, с единственным, но важным исключением: в нем появилась новенькая.

Правда, новенькой она была для всех, кроме Плектруды, ибо Розелина училась вместе с ней в балетной школе и пришла в полный восторг от того, что оказалась в одном классе со своим кумиром. Она попросила разрешения сидеть рядом с Плектрудой. Поскольку на это место никто никогда не претендовал, разрешение было дано.

Розелина смотрела на Плектруду как на недостижимый идеал. Она могла целыми часами восхищенно любоваться этой неприступной богиней, каким-то чудом оказавшейся ее соученицей.

Плектруда же спрашивала себя, устоит ли это обожание перед ее скверной школьной репутацией. Однажды, когда учительница выбрала Плектруду за слабое знание арифметики, в классе раздалась глупые и злые шутки. Розелину это крайне возмутило, она спросила у осмеянной соседки:

– Ты видишь, как они к тебе относятся?

Плектруда, привыкшая к такому обращению, лишь пожала плечами. Розелину это возмутило вдвойне, и она заявила:

– Ненавижу их всех!

И Плектруда поняла, что у нее есть подруга.

Это круто изменило ее жизнь.

Чем объяснить высокую ценность дружбы в глазах детей? Они уверены – впрочем, совершенно безосновательно, – что родители, братья и сестры просто обязаны их любить, и не видят большой заслуги в такой любви, считая ее вполне естественной. Вот типичное детское высказывание: «Я его люблю, потому что это мой брат (мой отец, моя сестра...). Так положено».

Зато друг, в глазах ребенка, – это человек, который сам его выбрал, человек, который предлагает ему свою любовь добровольно, а не по обязанности. И потому дружба для детей –

наивысшая роскошь, а в роскоши как раз и нуждаются избранные души. Дружба открывает им праздничный лик бытия.

Вернувшись домой, Плектруда торжественно объявила:

– А у меня есть подруга!

Впервые родители слышали от нее такие слова. Сначала у Клеманс ревниво сжалось сердце. Но она тут же поспешила себя успокоить: разве можно сравнивать какую-то постороннюю девочку и мать. Друзья приходят и уходят. А мать всегда остается рядом.

– Что ж, пригласи ее к нам на ужин, – сказала она дочери.

Плектруда испуганно взглянула на нее:

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы познакомить с нами. Мы хотим увидеть твою подружку.

Так Плектруда узнала, что, когда хотят встретиться с кем-то, его приглашают к столу. Это озадачило ее и показалось ужасно глупым: разве человека лучше узнаешь, глядя, как он ест? Если это так, то страшно даже представить, как относятся к ней в школе, где в столовой ее регулярно выворачивало наизнанку.

Плектруда сказала себе, что если бы она захотела получше узнать человека, то пригласила бы его поиграть. Вот где люди раскрываются по-настоящему!

Тем не менее Розелину пригласили на ужин с ночевкой, коль скоро взрослые установили такое правило. И встреча прошла просто замечательно. Плектруда нетерпеливо ждала окончания светских формальностей: она знала, что они с Розелиной скоро останутся вдвоем у нее в спальне, и эта перспектива несказанно радовала ее.

Но вот наконец свет потушен.

– Ты боишься темноты? – с надеждой спросила Плектруда.

– Боюсь, – призналась Розелина.

– А я нет!

– В темноте мне всегда чудятся разные страшилища.

– Мне тоже. Но мне это нравится.

– Да ты что! Тебе нравятся драконы?

– Ага. И летучие мыши тоже.

– И тебе ни чуточки не страшно?

– Нет. Потому что я их королева.

– Откуда ты знаешь?

– Я так решила!

Розелина нашла это объяснение восхитительным.

– Я королева всех, кто живет во мраке, – медуз, крокодилов, змей, пауков, акул, динозавров, слизней, спрутов.

– Ой, и тебе не противно?

– Вовсе нет. Мне они кажутся красивыми.

– Значит, тебе ничего не противно?

– Противны сушеные фиги.

– Но сушеные фиги совсем даже не противные.

– А ты их ешь?

– Да.

– Ну так вот, если любишь меня, больше не смей их даже в рот брать.

– Почему?

– Потому что продавщицы жуют их, а потом снова суют в пакеты.

– Да не может быть!

– А как ты думаешь, почему они все такие сморщенные и липкие?

- Ой, неужели это правда?
- Клянусь тебе. Продавщицы их жуют, а потом выплевывают.
- Фу, гадость!
- Вот именно! На свете нет ничего отвратительней сушеных фиг.

И девочки, на седьмом небе от счастья, долго упивались общей ненавистью к сушеным фигам, подробно обсуждая мерзкий вид этих скукоженных фруктов и восторженно взвизгивая.

- Клянусь тебе, я больше никогда не буду их есть, – торжественно объявила Розелина.
- Даже под пыткой?
- Даже под пыткой!
- А если тебе силой засунут их в рот?
- Тогда меня вырвет, даю тебе слово! – провозгласила девочка тоном невесты перед алтарем.

Эта ночь освятила их дружбу, превратив ее в таинство.

В классе статус Плектруды изменился коренным образом. Из презираемой отщепенки она сразу превратилась в лучшую, обожаемую подругу. Прояви к ней интерес такая же недо-тепа, как она сама, все оставалось бы по-прежнему. Но с Розелиной многие хотели дружить. Единственным ее недостатком было то, что она новенькая, да и об этом скоро забыли. И дети задумались, не ошиблись ли они насчет Плектруды.

Естественно, подобные соображения не высказывались вслух. Они просто таились в коллективном подсознательном класса, что ничуть не ослабляло их воздействия, скорее наоборот.

Конечно, Плектруда все еще отставала по арифметике и многим другим предметам. Но дети обнаружили, что слабость в некоторых науках, особенно когда она переходит все границы, несет в себе что-то героическое и достойное восхищения. Мало-помалу им начала нравиться такая форма протеста.

И только учительница придерживалась другого мнения.

Родителей снова вызвали в школу.

- Если позволите, мы протестируем вашего ребенка.

Отказаться они не могли. Дени был оскорблен до глубины души: на его дочь смотрели как на слабоумную. А Клеманс опять ликовала: Плектруда и впрямь не такая, как все! Даже если бы малышку признали умственно отсталой, она сочла бы это признаком избранности.

Итак, девочку подвергли всем видам тестирования: логические головоломки, загадочные геометрические фигуры, формулы, напыщенно именуемые «алгоритмами». Плектруда отвечала мгновенно и наобум, стараясь подавить приступы смеха.

Неизвестно, помог ли ей случай или как раз отсутствие долгих размышлений, но она достигла таких блестящих результатов, что взрослые просто оторопели. Таким образом, меньше чем за час Плектруда превратилась из дурочки в гения.

- А я ничуть не удивлена, – заключила ее мать, уязвленная восхищением мужа.

У нового статуса был ряд преимуществ, как это скоро заметила Плектруда. Раньше, когда она не справлялась с заданием, учительница смотрела на нее с сожалением, а самые зловредные из учеников насмехались над ней. Теперь же, если она затруднялась произвести элементарное арифметическое действие, учительница взирала на нее, как на бодлеровского

альбатроса³, коему исполинский ум мешает нормально считать, а одноклассники стыдились своей тупости, ибо решали пример мгновенно.

Кроме того, Плектруда, и в самом деле неглупая, задалась вопросом, почему ей не дается арифметика: ведь во время тестирования она правильно отвечала на вопросы, далеко превосходившие ее возможности. Она вспомнила, что на том экзамене ни секунды не думала, прежде чем заговорить, и сделала вывод: ключ к верным решениям – полное отсутствие мыслительной работы.

С тех пор она взяла себе за правило не ломать голову над поставленной задачей, а писать первые попавшиеся цифры. Результаты, конечно, лучше не стали, но не стали и хуже. Потому-то она и решила держаться этого метода: будучи столь же неэффективным, как и предыдущий, он освобождал ее от всяческих комплексов. Вот так она и стала самой почитаемой двоечницей во Франции.

И все шло бы замечательно, не будь в конце каждого учебного года столь тягостной формальности, как отбор учеников, достойных перейти в следующий класс.

Этот период стал истинным кошмаром для Плектруды, которая слишком хорошо знала, как случай может изменить судьбу. К счастью, слава гения летела впереди нее: экзаменатор, выслушав ее бессмысленный ответ, заключал, что девочка, вероятно, мыслит иными категориями, и прощал очевидные глупости. Или же спрашивал, на чем она основывает свои выводы, и невнятные разглагольствования Плектруды крайне его озадачивали. Она легко научилась изображать речь сверходаренного ребенка. Например, заканчивала очередную бессмысленную тираду простодушным: «Но это же очевидно!»

Для учителей и экзаменаторов это было совсем не очевидно. Но они предпочитали не позориться и помалкивать, выводя этой странной ученице свое *nihil obstat*⁴.

Однако сама девочка, была она гениальной или нет, жила лишь одной страстью – балетом.

Чем старше она становилась, тем больше восхищала педагогов виртуозной техникой и грацией, уверенностью и свободой движений, красотой и трагическим духом танца, точностью и смелым порывом.

Но главное, сразу чувствовалось, что она счастлива, несказанно счастлива, что она ликует, отдавая себя великой стихии танца. Как будто душа ее только этого и ждала с начала времен. Арабеск освобождал ее от какой-то необъяснимой внутренней скованности.

К тому же в ней ясно угадывалось артистическое начало: ее талант расцветал еще ярче в присутствии публики, и чем внимательнее зрители следили за маленькой балериной, тем выразительнее она танцевала.

И наконец, она обладала еще одним чудесным даром – гибкостью, которой не теряла никогда. Плектруда как была, так и осталась необычайно худенькой и плоской, точно фигуры египетских барельефов. Ее воздушная легкость бросала вызов закону земного притяжения.

И по-прежнему все педагоги, не сговариваясь, твердили в один голос:

– У нее глаза балерины.

Иногда Клеманс с опаской думала, что над колыбелью ее дочери склонилось слишком уж много фей: как бы боги не прогневались на их семью.

³ «Поэт, вот образ твой! Ты также без усилия / Летает в облаках, средь молний и громов, / Но исполинские тебе мешают крылья / Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов» (перев. П. Якубовича).

⁴ *Здесь: возражений нет (лат.).*

К счастью, ее дочери хорошо ладили друг с дружкой. Плектруда никак не посягала на успехи сестер: Николь была первой в классе по естествознанию и физкультуре, Беатриса отличалась большими способностями к математике и истории. Может быть, поэтому младшая из неосознанной деликатности отставала именно по этим предметам, даже по гимнастике, где ее балетные навыки ничуть ей не помогали.

Дени мысленно уже разделил между дочерьми земное царство и каждой отдал ее долю: «Николь будет ученой и гимнасткой, а может, чем черт не шутит, даже и космонавтом. Беатриса – прирожденный исследователь, у нее голова нашпигована цифрами и фактами; она займется исторической статистикой. Ну а Плектруда, артистическая натура с потрясающей харизмой, станет балериной или политическим деятелем, а может, тем и другим сразу».

И он завершал свои прогнозы взрывом смеха, в котором звучала нешуточная гордость. Девочки с удовольствием слушали его, им были приятны эти похвалы, однако младшая все же слегка удивлялась как фантастичности подобных предсказаний, так и отцовской уверенности.

Ибо, хотя Плектруде исполнилось всего десять лет и в умственном отношении она отнюдь не опережала свой возраст, ей все же удалось постичь одну важную истину: на этой земле люди никогда не получают того, что заслуживают.

Нужно сказать, что десять лет – лучший возраст в жизни, особенно для маленькой танцовщицы в ореоле ее волшебного искусства.

Десять лет – самый солнечный миг детства, еще не омраченного никакими предвестиями надвигающегося отрочества, беззаботное, щедрое на радости время, уже богатое опытом, но пока незнакомое с тем ощущением утраты, которое приходит на пороге созревания. В десять лет ребенок не всегда счастлив, но зато переполнен жизнью, как ни один человек на земле.

У десятилетней Плектруды энергия была через край. Все было ей подвластно. Королева и непревзойденная звезда балетной школы, она затмила всех своих соучениц, независимо от возраста. Она царила и в своем седьмом классе⁵, которому грозила ослократия, коль скоро эту бездельницу, последнюю по математике, естествознанию, истории, географии, физкультуре и проч., там почитали как гения.

Она царила в сердце своей матери, которая безумно любила ее. А теперь властвовала и над Розелиной, преклонявшейся перед подругой.

Но Плектруда вовсе не кичилась своим превосходством. Необычный статус не превратил ее в одну из тех десятилетних воображал, которые ставят себя выше законов дружбы. Она была предана Розелине всей душой и благоговела перед ней точно так же, как та перед Плектрудой.

У нее было смутное предчувствие, что она в любой миг может лишиться своей власти. Этот страх мучил ее тем сильнее, что она хорошо помнила времена, когда была в классе посмешищем.

Розелина и Плектруда «выходили замуж» множество раз, чаще всего друг за дружку, но необязательно. Иногда они выбирали в мужа какого-нибудь мальчика из класса: во время фантастической брачной церемонии жениха успешно заменяло чучело, которому придавали сходство с оригиналом, либо одна из девочек – для смены пола достаточно было напялить цилиндр.

На самом деле личность супруга мало что значила. На эту роль годился любой персонаж, реальный или вымышленный, если только у него не было каких-нибудь ужасных

⁵ Французский седьмой класс соответствует русскому четвертому.

недостатков (цепочка на запястье, писклявый голос или привычка начинать каждую фразу словами: «Видите ли...»). Цель игры состояла в другом: придумать свадебный танец, нечто вроде балета-дивертисмента, достойного Люлли⁶, с такими песнопениями, чтобы кровь застывала в жилах.

Ибо не успевали сыграть свадьбу, как наутро молодой супруг превращался в птицу или жабу, а юную супругу заточали в высокую башню и держали под строгим присмотром.

– Почему у нас всегда все плохо кончается? – спросила однажды Розелина.

– Потому что так гораздо красивее, – уверенно ответила Плектруда.

В ту зиму маленькая танцовщица изобрела в высшей степени героическую игру: замереть под снегом и продержаться в этом состоянии как можно дольше.

– Слепить снеговика – это слишком легко, – объявила она. – Нужно превратиться в снеговика – стоять, пока тебя сплошь не облепят хлопья, или сделаться надгробным изваянием – лечь на землю и ждать, пока целиком не покроешься снегом.

Розелина взглянула на подругу с недоверчивым восхищением.

– Значит, так: ты будешь снеговиком, а я – надгробной статуей, – постановила Плектруда.

Подружка не осмелилась противоречить. И вот они обе очутились под снегом – одна лежа, другая стоя. Последней быстро надоела эта странная игра: у нее застыли ноги, и ей хотелось двигаться, а не превращаться в живой памятник; кроме того, ей стало скучно, ибо, для вящего сходства со скульптурами, говорить было запрещено.

А лежащая статуя ликовала. Она держала глаза открытыми, точно мертвец, которому еще не успели опустить веки. Когда ее тело коснулось земли, она покинула его, отрешившись и от ощущения леденящего холода, и от физического страха смерти. Осталось только лицо, обращенное к всемогущим небесам.

Забыто было даже девчоночье кокетство – лежащая статуя отбросила все, что могло поколебать ее решимость и оказать сопротивление недоброй стихии.

Ее широко открытые глаза созерцали самое захватывающее зрелище в мире – смерть, разбитую на мириады белых пылинок, которые сыпались сверху, как разрозненные частицы огромной тайны.

Иногда ее взгляд обращался к телу, которое снег запорошил прежде лица, так как одежда не пропускала наружу тепло. Затем глаза вновь поднимались к облакам; щеки мало-помалу остывали, вскоре снежный покров лег на них тонкой вуалью, и статуя сдержала улыбку, чтобы не повредить элегантности белого флера.

Мириады снежинок падали с неба, и крошечная лежащая фигурка стала почти неразличимым холмиком в белой пустыне сада.

Единственная уловка состояла в мигании, пусть и произвольном. Однако глаза были по-прежнему обращены вверх и еще могли следить за медленным, неотвратимым падением хлопьев.

Воздух пробивался сквозь ледяной панцирь, избавляя статую от удушья. Ее захватывало потрясающее, сверхчеловеческое упоение борьбой с кем-то неизвестным – с неведомым ангелом, со снегом, с самой собой? – и удивительный покой, настолько глубока была ее решимость принять свою судьбу.

⁶ Жан Батист Люлли (1632–1687) – французский композитор итальянского происхождения, автор множества дивертисментов, опер и балетов.

Зато у снеговика дела шли совсем худо. Рассеянная и мало убежденная в необходимости подобных экспериментов, Розелина никак не могла сохранять неподвижность. К тому же вертикальная поза плохо способствовала превращению в снежную скульптуру и покорности судьбе.

Она глядела на изваяние, растерянно соображая, что же ей делать. Зная упрямство своей подруги, она понимала, что Плектруда никогда не простит ей, если она осмелится ее спасти.

И хотя говорить было запрещено, она все же рискнула нарушить приказ:

– Плектруда, ты меня слышишь?

Ответа не было.

Это могло означать, что статуя, рассерженная непослушанием снеговика, решила наказать его молчанием. Такая реакция была вполне в ее духе.

Но могло означать и кое-что совсем другое.

Розелину обуревали противоречивые чувства.

Снежный покров стал таким плотным, что уже не исчезал при мигании. Мало-помалу белые хлопья заполнили впадины глазниц.

Сначала дневной свет кое-как проникал сквозь морозное белое кружево, и статуя любовалась алмазным куполом, сверкавшим в нескольких миллиметрах от ее зрачков.

Но вскоре этот саван сделался непроницаемым, и живое надгробие очутилось в полном мраке. Правда, и во мраке таилось волшебство: казалось невероятным, что под ослепительной белизной может царить крошечная тьма.

Постепенно пелена становилась все плотнее.

Статуя почувствовала, что воздух не доходит до нее. Она решила встать, чтобы освободиться из плена, однако снег уже заледевел, образовав твердый кокон, точно соответствующий форме тела, и стало ясно, что скоро эта холодная тюрьма превратится в гроб.

Но пока изваяние было еще живо, оно повело себя как живое существо, а именно – закричало. Отчаянный вопль был приглушен толстым слоем снега, и из-под белого холмика донесся еле слышный стон.

В конце концов Розелина услышала его, бросилась к подруге и вырыла ее из снежной могилы, разбросав голыми руками смерзшиеся комья. Показалось лицо, отливающее синевой, – прекрасное загробное видение.

Ожившая статуя в экстазе воскликнула:

– Было так здорово!

– Почему ты не вставала? Ты же могла умереть!

– Потому что снег заледевел и не отпускал меня.

– Неправда, совсем он не заледевел. Я же разгребла его руками!

– Да? Значит, я слишком ослабела от холода, вот и все.

Она сказала это с такой восхитительной небрежностью, что потрясенная Розелина спросила себя, уж не симулирует ли ее подруга. Но нет, она и вправду вся синяя. Ведь не может же человек так ловко притворяться мертвецом!

Плектруда встала на ноги и благодарно взглянула в небо.

– Это потрясающе – то, что со мной случилось!

– Сумасшедшая! Неужели тебе непонятно, что, если бы не я, ты бы уже была на том свете?

– Да, конечно. Спасибо, ты меня спасла. Так даже еще прекраснее.

– Что тут прекрасного?

– Всё!

Девочка в радостном возбуждении вернулась домой; приключение окончилось тяжелой простудой.

Розелина подумала, что Плектруда еще дешево отделалась. Восхищение подругой не мешало Розелине считать ее слегка тронутой: вечно та превращала свою жизнь в спектакль, вечно ее тянуло к чему-то возвышенному и героическому, к смертельной опасности, от которой могло спасти только чудо.

Розелина так никогда и не избавилась от подозрения, что Плектруда нарочно медлила под снежным саваном; зная характер своей подружки, она понимала, что, если бы та выбралась из-под снега самостоятельно, вся эта история показалась бы ей куда менее захватывающей. В угоду своим эстетическим представлениям Плектруда ждала, чтобы ее спасли. И Розелина спрашивала себя: неужто Плектруда готова была умереть, лишь бы не разрушить свой героический образ?

Разумеется, Розелина не могла бы определить, на чем основаны ее подозрения. Временами она пыталась доказать себе обратное: «В конце концов, она ведь позвала меня на помощь. Будь она действительно сумасшедшей, она бы не закричала».

Но за этим последовали другие весьма странные случаи, которые крайне озадачивали Розелину. Например, когда они вместе ждали автобуса, Плектруда выходила на проезжую часть и не двигалась с места, даже когда мчавшиеся машины чуть не задевали ее. Тогда Розелина силой втаскивала подругу на тротуар. И в этот миг маленькая танцовщица просто сияла от счастья.

Розелина не знала, что и думать. Эти эскапады выводили ее из равновесия.

Однажды она решила не вмешиваться и посмотреть, что из этого выйдет. А вышло вот что.

Тяжелый грузовик несся на Плектруду, которая и не собиралась уходить с дороги. Она не могла его не заметить, это было невозможно. И все-таки не трогалась с места.

И тут Розелина увидела, что подруга смотрит ей в глаза. Однако твердила про себя: «Не подойду, не подойду. Пускай отбежит сама».

Грузовик был уже рядом.

– Осторожно! – завопила Розелина.

Но танцовщица стояла неподвижно, не спуская глаз с подруги.

В последний миг Розелина яростным рывком притянула ее к себе.

Плектруда широко улыбалась от счастья.

– Ты меня спасла! – в экстазе выдохнула она.

– Ты что, спятила? – в бешенстве закричала Розелина. – Грузовик мог запросто сбить нас обоих. Тебе хотелось, чтобы я погибла из-за тебя?

– Нет, – удивленно ответила Плектруда, которая явно не допускала такой возможности.

– Ну тогда не смей больше так делать!

И Плектруда больше никогда так не делала.

Плектруда тысячи раз прокручивала в воображении сцену снегопада.

Ее версия событий коренным образом отличалась от версии Розелины.

На самом деле она так сжилась со своим искусством, что превращала в балет любой, даже самый мелкий эпизод. Законы хореографии гласят, что трагическое начало присутствует буквально во всем: то, что в обычной жизни кажется чудовищно нелепым, не выглядит таковым в опере и тем более в балете.

«Меня занесло снегом в саду, я покоилась на снежной постели, и снег воздвиг надо мною свой храм; я видела, как медленно растут его стены и своды, я лежала, как изваяние, в соборе, возведенном для меня одной, а потом ворота его затворились, и за мной пришла

Смерть; сначала она была белой и нежной, потом черной и безжалостной, она уже простерла ко мне руки, но в самый последний миг мой ангел-хранитель успел спасти меня».

Что касается спасения, то ему следовало прийти именно в последнюю минуту – так гораздо красивее. Спасение не на пороге смерти – просто дурной тон.

Розелина так и не узнала, что сыграла роль ангела-хранителя.

Плектруде исполнилось двенадцать лет. Впервые день рождения будил в ней смутную тревогу. До сих пор каждый прибавлявшийся год приносил только радость: еще один повод для гордости, еще один героический шаг к будущему – разумеется, прекрасному. Но двенадцать лет – это рубеж, последний неиспорченный праздник.

Плектруда не хотела и думать о надвигавшемся тринадцатилетии. Это звучало ужасно. Мир тинейджеров внушал ей отвращение. В тринадцать лет наверняка начнутся неприятности: томления, недомогания, угри, первые месячные, лифчики – короче, мрак.

Двенадцать лет были последним днем рождения, когда еще можно было не опасаться этих кошмаров отрочества. И Плектруда с радостью провела рукой по своей плоской, как доска, груди.

Потом маленькая танцовщица свернулась клубочком на коленях у мамы. Та обняла ее, обцеловала, нашептала множество нежных словечек, погладила – словом, осыпала теми бесчисленными нежными ласками, которые расточают своим дочкам лучшие из матерей.

Плектруда это обожала. Она сладко жмурилась от удовольствия, думая: никакая любовь не сравнится с материнской. Оказаться в объятиях юноши – нет, это ее совсем не прельщало. Быть в объятиях Клеманс – вот истинное счастье!

Да, но будет ли мама так же сильно любить ее, когда она превратится в прыщавую дылду? Этот вопрос ужаснул Плектруду, но она не осмелилась задать его матери.

С той поры Плектруда начала беречь и лелеять в себе остатки детства, словно богатый землевладелец, который долгие годы владел бескрайними угодьями и вдруг, в результате какого-то бедствия, утратил все, кроме одного жалкого клочка земли. И вот, решив побороть злую судьбу, она начала усердно возделывать эту оставшуюся полоску, вкладывая в свои труды всю душу, все силы и заботливо ухаживая за теми редкими цветами детства, которые еще цвели в ее маленьком саду.

Она заплетала волосы в косички или стягивала в хвостики, носила только детские комбинезоны на бретельках, гуляла, прижимая к груди плюшевого медвежонка, садилась на землю, чтобы завязать шнурки кроссовок.

Ей даже не требовалось принуждать себя: она просто следовала своей натуре и делала то, что ей нравилось, сознавая, что через год это будет уже невозможно.

Такие ухищрения могут показаться странными. Но они вполне естественны для детей или совсем еще юных подростков, которые пристально следят за теми, кто опережает сверстников или, напротив, отстает от них, с восхищением или презрением, в равной степени непостижимыми. Все, кто отклоняется от общего стандарта в ту или иную сторону, навлекают на себя враждебность, презрение, насмешки товарищей либо, что бывает гораздо реже, стяжают славу героев.

Войдите в пятый или четвертый класс и спросите у первой попавшейся девочки, сколько ее одноклассниц уже носят лифчик: вас поразит точность ответа.

В классе Плектруды – а это был уже пятый – некоторые девчонки потешались над ее косичками, причем зубоскалили именно те, кому раньше других пришлось надеть лифчик и получить вместо восхищения полную порцию издевательств; следовательно, можно было предположить, что за их насмешками скрывается зависть к плоской фигурке танцовщицы.

Отношение мальчишек к преждевременно созревшим обладательницам пышных бюстов было двойственным: они вовсю пялились на них, отпуская в то же время едкие штучки. Впрочем, представители мужского пола на всю жизнь сохраняют эту привычку поносить вслух то, что преследует их воображение, рождая самые безудержные похотливые фантазии.

Первые признаки полового созревания появились именно в пятом классе, внушив Плектруде желание искать убежище в утрированной наивности. Она даже не могла внятно выразить свои страхи, знала только, что, если некоторые из ровесников вполне созрели для «этих вещей», ее они ни в коей мере не привлекают. И она неосознанно стремилась оповестить об этом других, бравируя своим детством.

В ноябре классу объявили о приходе нового ученика.

Плектруда любила новеньких. Взять хоть Розелину – разве та стала бы ее лучшей подругой пятью годами раньше, не будь она новенькой? Маленькая танцовщица всегда легко находила общий язык с новичками, робеющими, кто больше, кто меньше, в чужом окружении.

Большинство детей, сознательно или нет, беспощадно третировали вновь пришедших: малейшее своеобразие (привычка чистить апельсин ножиком или восклицать «вот дрянь!» вместо классического «вот дерьмо!») вызывало злорадное хихиканье.

Плектруду же, наоборот, восхищали подобные странности: они внушали ей жгучий интерес этнолога, изучающего нравы экзотического племени. «Чистить апельсин ножиком – это здорово, просто классно!» – объявляла она. Или: «„Вот дрянь!“ – надо же, как интересно!» И она шла навстречу новеньким с щедрым гостеприимством таятняки, встречающей европейских моряков ослепительной улыбкой и гирляндой из цветов гибискуса.

Тяжелее всего приходилось тем, кто поступал в школу в разгар учебного года. Такие оказывались новенькими вдвойне.

Вот почему Плектруда почувствовала к новичку живейшее расположение еще до того, как он вошел в класс. А при виде его лица она просто разинула рот от ужаса и восхищения.

Мальчика звали Матье Саладен. Его посадили на заднюю парту возле батареи.

Плектруда не слышала ни слова из того, что говорил учитель. Ее охватило такое бурное волнение, что стало больно дышать, и это ощущение ей нравилось. Десятки раз она порывалась обернуться, чтобы взглянуть на мальчика. Обычно она не лишала себя этого удовольствия – бесцеремонно разглядывать людей в упор. Но сейчас ей почему-то было страшно.

Наконец раздался звонок на перемену. В обычное время Плектруда сразу подошла бы к новенькому с ободряющей улыбкой. Но на этот раз она не могла сдвинуться с места.

Зато другие не изменили своим привычкам. Раздались шуточки:

– Эй, гляньте на новичка, – он что, во Вьетнаме воевал или еще где?

– Давайте звать его Меченым!

Плектруда почувствовала, как в ней поднимается волна гнева. Ей пришлось сдержаться, чтобы не крикнуть: «Заткнитесь! Этот шрам просто великолепен! Я никогда еще не видела такого потрясающе красивого мальчика!»

Рот Матье Саладена был рассечен надвое длинным вертикальным шрамом, почти зажившим, но ужасающе заметным. Шрам был намного больше тех, что остаются после операции «заячьей губы».

Маленькая танцовщица не сомневалась ни минуты: это, конечно, след от удара саблей! Фамилия мальчика сразу напомнила ей сказки «Тысячи и одной ночи». Плектруда не ошиблась: фамилия новичка действительно имела древнее персидское происхождение. И уж конечно, у такого мальчика должен быть ятаган, которым он наверняка искромсал какого-нибудь крестоносца, явившегося на защиту Гроба Господня. А рыцарь-христианин,

перед тем как рухнуть наземь, в последнем коварном и мстительном порыве (ибо Матье Саладен изрубил его на куски, что по тем временам считалось вполне нормальным) рассек ему губы мечом, запечатлев таким образом память об этом сражении на лице победителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.